

УДК 81'366.5:81'37:811.162.4

ЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА)

Виктория Олеговна Дедова

соискатель кафедры речевой коммуникации

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. psycholing@rambler.ru

Ирина Германовна Овчинникова

профессор кафедры речевой коммуникации

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. psycholing@rambler.ru

В статье обсуждаются результаты исследования способов выражения зависимого таксиса в словацком языке. Таксис рассматривается в соответствии с концепцией Петербургской школы функциональной грамматики. Будучи весьма дискуссионной категорией, таксис выражает значение одновременности – одновременности сопряженных действий, совершаемых в целостный временной период. Зависимый таксис выражается как лексически, так и грамматически (морфологическими и синтаксическими средствами). Семантику зависимого таксиса передают как аналитические, так и синтетические грамматические способы. В словацком языке представлены специфические способы репрезентации таксисной семантики: допнок и отглагольные существительные, сохраняющие сему актуальности.

Ключевые слова: таксис; функциональная грамматика; полипредикативность; словацкий язык; отглагольные существительные; инфинитивная конструкция.

Цель настоящей работы – характеристика способов выражения категории зависимого таксиса в словацком языке. Материал исследования составила выборка из корпуса словацкого языка (художественные и публицистические тексты: <http://korpus.juls.savba.sk>)

1. Теоретическая основа исследования

1.1. Общая характеристика категории таксиса

Впервые таксис определил Р.О.Якобсон как не-шифтерную категорию, т.е. категорию, ориентированную на семантику высказывания [Якобсон 1972: 101]. Поскольку в высказывании выделяют семантику и прагматическую рамку, все грамматические категории распределяются на выражающие семантику или прагматику высказывания. Категории, приписанные семантике высказывания, не отражают зависимость от момента речи и ситуации общения, в то время как категории, приписанные прагматике, такую зависимость отражают. Приписанные семантике категории полагают не-шифтерными, т.е. не подверженными «сдвигу» при изменении ситуации

общения. Приписанные прагматике категории, напротив, «сдвигу» подвержены, а потому считаются шифтерными. Таксис как не-шифтерная семантическая категория позволяет выразить соотношение обозначенных в высказывании действий без установления отношения каждого действия к моменту речи. Категория времени, в отличие от таксиса, соотносит содержание высказывания с моментом речи и в силу этого является прагматической и шифтерной. Введение категории таксиса в грамматическое описание языка позволяет характеризовать время отраженных в высказывании событий, учитывая не только собственно финитные глагольные формы, но и разнообразные нефинитные формы глагола и отглагольные имена.

В современной лингвистике таксис обычно рассматривается с двух позиций: во-первых, в качестве **грамматической (морфологической)** категории глагола; во-вторых, в качестве **функционально-семантического поля (ФСП)**. Функционально-семантическое поле таксиса проанализировано и описано пока отнюдь не для

всех языков. В частности, ФСП таксиса в словацком языке пока не исследовано.

1.2. Таксис в трактовке Петербургской школы функциональной грамматики

В своей работе мы опираемся на трактовку таксиса в рамках Петербургской школы функциональной грамматики. Представление таксиса как ФСП позволяет свести в единую систему (на основе функционального принципа) языковые явления, описываемые в различных разделах грамматики (вид, время, нефинитные глагольные формы, синтаксис сложного предложения (СП), конструкции с однородными сказуемыми и т.п.). ФСП таксиса формируется различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединёнными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выраженных в высказывании [Бондарко 1984:71].

В соответствии с концепцией Петербургской школы функциональной грамматики сфера таксисных отношений ограничивается:

1) целостностью временного периода. Под целостным (единым) периодом времени понимается «микросистема, в пределах которой выявляется та или иная структура отношений таксиса» [ТФГ 1987: 237-238]. Целостность временного периода выявляется в его объединяющей функции по отношению к соотносимым во времени действиям, к принадлежности действий к одному и тому же временному плану (в рамках прошлого, настоящего или будущего), даже в ситуации, когда глаголы имеют разные формы времени (*Подошёл и вижу*).

2) однородностью действий с точки зрения их конкретности или обобщённости (узусальности, обычности, типичности) *Он ел и время от времени оглядывался = иногда оглядываясь*

3) рамками высказывания, равного предложению или сверхфразовому единству (СФЕ), т.е. полипредикативному комплексу.

Полипредикативным комплексом в функциональной грамматике считают:

а) сочетание основной и вторичной (второстепенной) предикации в конструкциях с деепричастиями (а также с причастиями; речь идёт обо всех конструкциях, включающих основную и второстепенную предикацию);

б) разные типы полипредикации в сложных предложениях и предложениях с однородными сказуемыми; понятие полипредикации распространяется и на высказывания, представляющие собой сверхфразовые единства [Бондарко 1985: 14; ТФГ 1987: 237].

Ядро семантики таксиса – это значение одновременности / разновременности (предшествова-

ния – следования). Вместе с тем, семантика таксиса не может быть сведена к этим значениям. Соотношение одновременности / неодновременности может осложняться значениями причины, следствия, цели, условия, уступки, а также модальными элементами и отношениями характеристики.

Принято разграничивать независимый и зависимый таксис. Независимый таксис позволяет соотносить два независимых действия или действия, выполняемые в целостный период времени разными субъектами. В случае зависимого таксиса соотносятся основное и второстепенное действия. В свою очередь, зависимые в таксисной паре формы могут быть как финитными, так и нефинитными (в том числе отглагольными существительными). Именно на зависимый таксис обращал внимание Р. Якобсон; собственно, с деепричастных форм началась история изучения таксиса. В целом зависимый таксис описан более подробно. Трактовка независимого таксиса более противоречива.

В конструкциях зависимого таксиса можно выделить два типа сопутствующего действия, выраженного деепричастием:

1) характеризующий – так называемая вторичная предикация или сопутствующее действие, одновременно заключающее в себе качественную характеристику главного действия. *Прыгая через ступеньки, он поспешил к залу* – где *прыгая через ступеньки* является характеристикой, дополняющей основное действие.

2) нехарактеризующий – вторичная предикация, которая передаёт последовательность фактов. *Торопливо сев на лошадь, я пустился догонять отряд* [Бондарко 1984: 87-88].

Развивая концепцию А.В. Бондарко, В.С. Храковский считает категорию таксиса грамматической, представленной в системе языка тремя основными граммами (одновременность, предшествование, следование) и их разновидностями [Храковский 2003, 2005]. Обсуждая грамматические показатели грамем, исследователь отмечает, что «таксисные отношения предшествования, одновременности и следования могут обозначаться как одной зависимой глагольной формой, так и зависимой глагольной формой вместе с таксисным союзом, предлогом, послелогом» [Храковский 2005: 31].

Возможные сочетания финитных и нефинитных глагольных форм в полипредикативном комплексе поддаются исчислению. Например, В.С. Храковский выстраивает схему комбинации передающих таксисную семантику глагольных форм, представленную в таблице 1 [Храковский 2003: 38].

**Комбинации глагольных форм
в полипредикативном комплексе (по В.С. Храковскому)**

<i>Зависимая форма</i>	<i>Опорная форма</i>
Нефинитная	Финитная
Нефинитная	Нефинитная
Финитная	Финитная
Финитная	*Нефинитная

По мнению В.С.Храковского, существуют конструкции со специализированными и неспециализированными таксисными формами. Применительно к данной таблице таксисная пара ‘нефинитная форма – финитная форма’ является специализированной. Второй тип таксисной пары можно посчитать подпунктом, вариантом первого, так как нефинитная опорная форма должна соотноситься с финитной (например, в случае последовательности деепричастий) в силу отсутствия собственной временной ориентации.

Третий тип таксисной пары может характеризовать как зависимый, так и независимый таксис. В случае предложений с однородными сказуемыми (*Пришел, увидел, победил*) таксисная семантика выражена равноправными глагольными формами, последовательность которых отражает последовательность действий [Бондарко 1987]. Между тем В.С.Храковский настаивает на том, что простая последовательность финитных форм не является достаточным способом репрезентации таксисных отношений: без грамматических показателей мы не можем четко определить значение «предшествование / следование». В соответствии с точкой зрения В.С.Храковского, о таксисе можно говорить только в тех случаях, когда наличествуют грамматические показатели. Например, в сложноподчиненном предложении (ССП) с придаточным времени грамматическими показателями оказываются видовременные формы глагола в соотношении с временными союзами. Между тем, на наш взгляд, порядок глагольных форм является самодостаточным грамматическим показателем таксисной семантики, поскольку порядок слов регулярно выступает в качестве грамматического показателя различных значений в языках мира. Мы склонны трактовать сочетание финитных форм в предложении с однородными сказуемым как случай независимого таксиса.

Наконец, таксисные пары четвертого типа невозможны: нефинитная форма не имеет собственной временной ориентации и не может выступать опорной для финитной формы.

Зависимый таксис может быть выражен не только сочетанием глагольных форм, но и соче-

танием глагольной формы с отглагольным существительным. Регулярность последнего способа выражения зависимого таксиса определяется особенностями словообразования в языке. Словацкий язык имеет более богатую систему словообразования, чем русский. Следовательно, в словацком языке мы вправе ожидать большей вариативности средств выражения зависимого таксиса по сравнению с русским языком.

2. Средства выражения зависимого таксиса в словацком языке

Конструкции, выражающие зависимый таксис, двучленны, обычно включают финитную и нефинитную глагольные формы или финитную форму и отглагольное существительное. Одна из форм этой пары, опорная, синтаксически независима, обозначает ситуацию, на которую ориентируется вторая форма пары – зависимая.

2.1. Деепричастные конструкции

Для словацкого языка употребление деепричастий, как одиночных, так и в составе оборотов, не столь характерно, как для русского языка. В случаях, когда нужно передать соотношение действий, словацкий язык скорее «предпочтёт выбрать» финитные формы, нежели деепричастные конструкции. Этим обусловлено малое количество конструкций с деепричастиями в нашей выборке. Мы обнаружили четыре возможности использования деепричастных форм для выражения таксисной семантики.

1. Деепричастие, образованное от глагола НСВ, в паре с глаголом НСВ выражает отношения одновременно протекающих длительных действий: представляют собой пару ‘длительность – одновременная длительность’: *Ona ho čakala doma, starajúc sa o ich deti;. Vřbovu salámu zapijali čajom, spominajúc na minuly roky; On sedel a počuvaujúc Striža mlčky fajčil.*

В значительной части примеров употребляются глаголы с семантикой говорения. Вероятно, это связано со стремлением писателя охарактеризовать манеру говорения, условия произнесения слов героем (движения рук, тела, мимика лица и т.п.), так как в большинстве случаев такие конструкции используются для передачи косвенной речи в художественных текстах. Как отмеча-

Дедова В.О., Овчинникова И.Г. ЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА).

ет Н.Зорихина-Нильссон, в данном случае можно говорить о «своеобразной стилистической фигуре» [Зорихина-Нильссон 2006: 70].

2. Деепричастные формы глаголов как СВ, так и НСВ, образованные от глаголов чувственного восприятия и мыслительной деятельности, сочетаются с опорной глагольной формой СВ / НСВ. Эти конструкции соответствуют валентностному таксису, как его определяет В.С.Храковский [Храковский 2003: 45]. В таком случае таксисные отношения производны от валентностных отношений и не являются самостоятельными. Иначе говоря, при восприятии таких конструкций реципиент «ожидает» появления второго предиката в силу особенностей лексической семантики глагола. В подобных случаях деепричастия привносят в предложение оттенок причинности. Действие, выраженное основным глаголом, обусловлено действием / состоянием, обозначенным зависимой формой: *Ale muž vediač, že jeho žena nema všetkoch doma, jej ich zatajil.*

3. Деепричастие, образованное от глагола НСВ, обозначает процесс, на фоне которого происходит основное действие, выраженное опорным глаголом СВ. Они называют ситуацию: *...schytila metlu a vykurila ho z domu volajúc;*

– *Dost' už, dost', – zavolal šarkan, t'ažko odľukujúс.*

Doctor za hovoru s Hlubockou ohmatal pacienti tovi tep, potom si, tvariac sa ustarostene, vložil do uší konce stetoskopu.

– *Pojdem sa pozriet' aj do Brennera, – prerušil ich Podhorsko, vediač, že Vřba pochádza z tej časti predmestia.*

Здесь форма СВ говорит о завершённом действии, но действию не одноактном, мгновенном, а ограничительно-длительном. Его можно обозначить как результат имплицитной длительности. В какой «момент» такой длительности начинается второй процесс, мы определить не можем.

4. Конструкция с деепричастием, образованным от глагола СВ, в паре с глаголом НСВ во всей массе рассмотренных нами текстов встретила только один раз: *Som si nat'ahoval montürky, bral kl'üce a zabudnuc na bol'avu nohu, šiel som do jamy.*

Деепричастие СВ обозначает состояние субъекта, ставшее результатом ранее произошедшего действия, относится к плану прошлого. Оно характеризует основное длительное незавершенное действие (*šiel som*), описывая состояние субъекта.

Отметим также, что в нашей выборке не встретились случаи употребления пары 'деепричастие – глагол' вместе с временными союзами или лексическими показателями. Конструкции с

деепричастием, образованным от глагола СВ, в паре с глаголом СВ также не обнаружены. Вероятно, это связано с малоупотребительностью деепричастных форм в словацком языке. Даже в повествовательном художественном тексте регулярно используются не деепричастия, а сочетания финитных форм (иногда с лексическими показателями одновременности / последовательности).

2.2. Отглагольно-именные предикаты¹

Простые предложения с именами-предикатами или отглагольными существительными с различными предлогами выражают таксисные отношения и входят в разряд таксисных конструкций. Словообразовательные возможности словацкого языка богаче, чем русского, поэтому мы можем предполагать более частотное употребление имён-предикатов.

Словацкие грамматики ставят отглагольное имя существительное (ОИС) в один ряд с особыми формами глагола – причастием и деепричастием, и отмечают, что данная форма сохраняет видовую характеристику основного глагола (*zrezanie – zrezavanie, vratenie – vracanie*) (Исаченко 2003).

Отметим важную для выражения таксисной семантики особенность словацкого языка. Предложения с ОИС в синтаксической позиции объекта называют разные виды конкретной физической деятельности и, как правило, выражают значение одновременности (*Ženy sa pustili znova do pradenia – Женщины снова начали прядь*). ОИС в данном случае употребляются в рамках устойчивой «формулы» *pustit' sa do / dat' sa do*. Для словацкого языка характерно использование ОИС для обозначения способа осуществления действия (*...vraveli a potešovali sa žmurkaním ~ ...говорили они и утешались перемигиванием*).

1. Семантику предшествования передают предложно-падежные конструкции с предлогом *pred*: *Slovenski členovia hnutia Falun Gong pred Uradom vlady SR žiadali pred odjazdom premiera Fica do Činy, aby spomenul aj otazku l'udskoch prav.*

Семантику одновременности передают сочетание отглагольных существительных с предлогами *pri, cez, v, za*. Наиболее частотно встречается предлог *pri*. Такие конструкции можно считать стандартными [Nováková 1987: 53-60]. С помощью предлога *pri* обозначается синхронность действий: основного (финитный глагол) и второстепенного, на фоне которого оно реализуется (отглагольное существительное): *...a destilator pri obliekani rozpravali.; Už pri posudzovani Kroniky Cudstva sme konštatovali dobrou jazykovu uroveň tohto titulu.*

Основная часть наших примеров соотносится

с глаголами НСВ, называя длительные процессы, действия. Употребление таких имён в паре с глаголом СВ передаёт ситуацию: мгновенное, однократное действие на фоне другого процесса. Например, в предложении *Pri uteku do Egypta ho zavraždia* основной глагол СВ используется в форме простого будущего времени в значении будущего исторического / для выражения внезапного, стремительного действия в прошлом. Существительные, которые можно соотнести с глаголами СВ, обозначают мгновенное действие, миг, момент, в который происходит основное действие, обозначенное также глаголом СВ: *...smrt' jeho otca, ktoreho zastrelili pri lupežnom prepadnutí*.

Конструкции с предлогами *cez, za* тоже передают семантику одновременности, хотя являются менее частотными: *Držime ho za rúčku cez prechod pre chodcov*. Эти конструкции передают временное значение, указывая на промежуток, ограниченный рамками действия (обозначенного отглагольным существительным), за который реализуется действие основного предиката.

Семантику одновременности передают также конструкции с предлогом *v*, которые характеризуют не временной промежуток как таковой, а скорее состояние субъекта, которое имеет место в связи с основным действием: *Zdvihol som kabatec v očakavani, že bude tiež vlhko*.

3. Семантика следования передаётся с помощью конструкций с предлогом *po*: *Po skončení práce sa na uzemi USA cestovat'; Ráno po prijazde do hotela nás nádherná priroda uchvátila naplno*.

Следование может быть как контактное, так и дистантное, это зависит от наличия лексического показателя и смысловой наполненности предложения.

2.3. Предикативный атрибут

Для словацкого языка характерно использование допложка (предикативного атрибута) в паре с глаголами чувственного восприятия, где допложок обозначает действия, характеризующие объект восприятия.

Вероятно, цель употребления сочетания 'финитный глагол – инфинитив в качестве допложка' – передать одновременность действий, независимо от видовой принадлежности основного глагола. В данных конструкциях используется инфинитивы глаголов НСВ: *Až hen v tretej našiel pána švagra von oblalom hvizdat'; ...a tu vidia zamok visiet' na zlatom vlase nad morom*.

Основной глагол-предикат может быть употреблён как в форме прошедшего, так и в форме настоящего времени, однако для передачи семантики одновременности это не играет существенной роли. Семантически эти предложения двусубъектны, и ситуация фиксируется с пози-

ции основного субъекта, для которого происходят два действия / состояния: в данный момент Субъект видит / чувствует / слышит -- Объект в его действии / состоянии в данный момент. Предикатный атрибут-допложок используется в конструкциях валентностного таксиса, поскольку для глаголов восприятия характерна объектная валентность.

Среди примеров встречаются случаи, когда допложок представлен несколькими однородными формами, которые между собой скоординированы по принципу одновременности: *Idú, idú horami a tam vidia jedného čierneho chlapa na skale sediet' a knihy čítat; ... priam ju cítil rašit' a mocniet' pod rukami*.

2.4. Конструкции с причастиями

Причастные конструкции относят к периферии зависимого таксиса, так как они отличаются атрибутивно-предикативной функцией. Проблематичность отнесения причастий к сфере таксисных отношений обусловлена тем, что причастие может обладать и самостоятельной абсолютной временной ориентацией, которая не связана с основным действием. Тем самым разрушается целостность временного периода. На наш взгляд, это касается тех случаев, когда причастие прошедшего времени характеризует действие в прошлом, несоотносимое с основным действием в момент его реализации. Например, *Otec počkal, kam zašli za kopec, a potom sa pobral do opusteného domu*. Существенную роль в случае употребления причастий играет контекст. В контексте находим указания на целостность временного периода: *Obrovi puška zlyhala a on, smrteľne zasiahnutý, klesol k zemi*, где действия и состояние, передаваемое причастием, реализуются в рамках одного периода времени, почти мгновенно.

Рассмотрим два типа причастных конструкций: во-первых, конструкции с причастиями, характеризующие субъект основного действия; во-вторых, причастные конструкции, характеризующие объект основного действия, воспринимаемый субъектом.

В конструкциях первого типа используются как действительные, так и страдательные причастия прошедшего или настоящего времени, которые соотносятся с основным глаголом СВ или НСВ: *Chlapec šiel* (НСВ, прош. вр.) *plačúcký* (НСВ, наст. вр.); *Zmorený a ukonaný* (СВ, прош. вр.) *si ľahol* (СВ, прош. вр.) *na zem a v tej chvíli zaspal*. *Prispevky slovenskych autorov, pokrývajúce* (НСВ) *zakladno aj aplikovano vyskum, poukazali* (СВ) *na prevratnú zmenu.....vravi* (НСВ) *všetkomi masťami pomasteno* (СВ) *Cigan*.

Конструкции с причастиями, характеризующими объект основного действия:... *a tak*

pristal (СВ, прош. вр.) *uprostred mora pri zamku, točiacom sa* (НСВ, наст. вр.) *na vysokom topoli; Španieli mali* (НСВ, прош. вр.) *k dispozicii tisicky španielskych koni, prvotriedne* (СВ, прош. вр.) *vycvičenocho španielskou drezurou.*

На наш взгляд, конструкции с причастиями передают семантику одновременности: вне зависимости от временной характеристики причастия, оно характеризует субъект / объект в момент основного действия. Когда произошло действие, которое привело к данному состоянию субъекта / объекта, мы можем определить только если в предложении представлен ряд мгновенных, реализующихся в краткий период предикатов / полупредикатов (*S tom všetko zanemelo a Zlatovlaska, zjašena a nastrachana, vybehla von*). В таких случаях мы можем расценивать действие, обозначенное причастием (СВ, прош. вр.), как предшествующее основному. Мы считаем, что предикативность у причастий – фоновая часть семантики, основная часть – атрибут. Именно атрибут как обозначение состояния соотносится с основным предикатом в высказывании.

Семантику следования конструкции передавать не могут, так как в состав причастных форм не входят формы будущего времени.

3. Основные выводы

1. Категория таксиса включает систему противопоставленных граммем одновременности – разновременности (предшествования / следования) сопряженных в рамках целостного временного периода действий и имеющих систему грамматических показателей (морфологических и синтаксических).

2. Зависимый таксис выражается в словацком языке как аналитическими, так и синтетическими грамматическими способами.

2.1. К синтетическим способам выражения категории зависимого таксиса, помимо аспектуальных аффиксов, мы склонны относить отглагольные имена – специфический класс существительных, сохраняющих семы аспектуальности.

2.2. Аналитические способы выражения зависимого таксиса в словацком языке имеют как универсальные, так и специфические черты. Специфическим для словацкого языка аналитическим способом выражения зависимого таксиса являются конструкции с допльком.

2.3. Конструкции с деепричастиями, которые являются центральным аналитическим способом выражения зависимого таксиса в русском языке, в словацком языке малоупотребительны.

3. Для передачи семантики предшествования / следования в словацком языке чаще используются предложно-падежные конструкции.

4. Семантика одновременности имеет более широкий круг способов реализации.

4.1. Для словацкого языка характерно использование конструкций с причастиями, отглагольными существительными с предлогами или с инфинитивом при глаголе чувственного восприятия.

4.2. Предикативный атрибут – допльок позволяет выразить семантику одновременности в случае валентностного таксиса.

5. В сфере независимого таксиса по сравнению с зависимым таксисом меньшую значимость приобретает видовременное соотношение предикатов и полупредикатов.

6. Специфическими для словацкого языка мы полагаем такие средства, как конструкции с предикативным атрибутом “глагол чувственного восприятия + инфинитив”, используемые для передачи семантики одновременности действий / состояний, приписываемых субъекту и воспринимаемому им объекту.

Выполненное нами исследование позволяет полнее охарактеризовать категорию таксиса в теории функциональной грамматики и систематизировать средства выражения таксисной семантики в словацком языке для перевода на другие языки.

¹ Мы сосредоточимся на традиционном рассмотрении отглагольных существительных, не принимая во внимание полный список «имен ситуаций», предлагаемый В.С. Храковским [Храковский 2005: 69].

Список литературы

Бондарко А.В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 234-242.

Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005. С. 12-29.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд. 3-е, стереот. М., 2003.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

Бондарко А.В. Функционально-грамматическое описание полей аспектуальности и таксиса в русском языке (Принципы анализа) // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 4-16.

Дмитриева Л.К. Таксис в ряду однородности // Функциональный анализ грамматических ас-

Дедова В.О., Овчинникова И.Г. ЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА).

пектов высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 96-107.

Зорихина-Нильссон Н. К вопросу о лексико-семантическом центре зависимого таксиса одновременно в русском языке // Филологические этюды: Сборник научных статей памяти Юрия Алексеевича Пупынина. Новосибирск, 2006. С. 107-118.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е изд. М., 2003.

ЛЭС 2002 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002.

ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 32-54.

Храковский В.С. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функцио-

нальной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005. С. 29-86.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 98-105.

Mistrík J. Moderná slovenčina. Bratislava, 1988.
Nováková Z. Verbálnosť / nominálnosť slovesných podstatných mien v ruskej a slovenskej vete // Philologica XXXVII/1987: Zborník filologickej fakulty university Komenského. Bratislava, 1990. S. 48-56.

Источники

Dobšinský P. Slovenske rozprávky: rozprávky z našej klenotnice. Bratislava, 1999.

Gloko P. Nočný starch // Májoví halúzky. Bratislava, 1981. S. 25-42.

Hudec I. Nôdennci // Májoví halúzky. Bratislava, 1981. S. 43-67.

Kraus D. Rekonvalescencia // Májoví halúzky. Bratislava, 1981. S. 68-106.

Moment. 2001. №14. <http://korpus.juls.savba.sk/index.en.html61>

**RELATED TAXIS: SEMANTIC AND WAYS OF EXPRESSION
(IN SLOVAK LANGUAGE)**

Victiria O. Dedova

Post-Graduate Student of Verbal Communication Department
Perm State University

Irina G. Ovchinnikova

Professor of Verbal Communication Department
Perm State University

The article discusses the status of taxis category and set of tools for its explication in Slovak. We regard taxis in the aspect of functional grammar in accordance with principles of Petersburg scientific school. Taxis semantics expresses relations of different actions (simultaneity, precedence and following) in the whole period of time. In the case of related taxis we have subordinated and dominant actions. The Slovak taxis hasn't been studied systematically and ways of its explication was described fragmentary. We found out that relative taxis in Slovak can be expressed by morphological and syntactic means. Doplňok (infinitive as an object) and verbal nouns can be considered as specific for Slovak language tools for explication of relative taxis.

Key words: taxis; functional grammar; predicate; Slovak language; infinitive syntactic functions; verbal nouns.